

Денис Шпарыш

5 Завет Петра

Крымский излом

Денис Старый

Завет Петра 5.

Крымский излом

<https://litres.ru/74629823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.

Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.

Вот только сначала нужно не дать себя добить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	68
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Денис Старый Завет Петра 5. Крымский излом

Глава 1

Амстердам

12 мая 1725 года

Мария Дмитриевна Кантемир вальяжно откинулась на спинку мягкого французского кресла и с легкой, удовлетворенной полуулыбкой обвела взглядом просторную комнату. Помещение больше напоминало музейный запасник, чем покои знатной дамы: всё пространство было заставлено плотно сколоченными деревянными кофрами и ящиками.

Вон там, в углу, покоились футляры со скрипками и виолончелями. Великий мастер Антонио Страдивари, восьмидесятипятилетний старец, чьи руки, впрочем, еще не утратили гениальной хватки, с превеликим удовольствием продал русской княжне свои готовые изделия.

Свое путешествие Мария начала именно с Северной Италии, поставив цель методично скупать величайшие произведения искусства, в первую очередь — шедевры эпохи Ренессанса. Так что теперь по соседству со скрипками Стра-

дивари в надежной упаковке отдыхали два полотна Рафаэля, три картины Джотто и другие бесценные предметы искусства. Стоили они, конечно, баснословно дорого, но казна, выделенная императором на эту культурную экспансию, была поистине колоссальной. Мария могла себе это позволить.

С тем же Страдивари сделка вышла крайне удачной. Выяснилось, что в мастерской залежались восемь скрипок и три виолончели — итальянский рынок был пресыщен, да и местные конкуренты с более дешевыми инструментами отчаянно наступали старику на пятки. Русская княжна выкупила всё разом, а сверх того оставила щедрый задаток на изготовление еще двадцати скрипок и десяти виолончелей.

Ждать выполнения этого заказа Мария, разумеется, не стала. Оплатив работу, она в спешном темпе пересекла Европу и прибыла в Амстердам. А в Кремоне, на родине мастера, оставила одного весьма навязчивого офицера из своего конвоя. Этот похабник в эполетах так рьяно и бестактно добивался её расположения в дороге, что в какой-то момент Мария была готова придушить его собственными руками. В итоге она изящно избавилась от ухажера, поручив ему «важнейшую государственную миссию» — надзирать за производством скрипок. Пусть поработает курьером, раз не умеет держать себя в руках.

Впрочем, в Италии Мария оставила и еще одного человека из своей свиты. Того, с кем она действительно обожала вести долгие, интеллектуальные беседы и с удовольстви-

ем делила дневные трапезы. Правда, как бы этот человек ни напрашивался составить ей компанию и вечером, ужинала княжна неизменно в одиночестве. Холодная, неприступная для всего остального мира Кантемир берегла свою пылкость и страсть лишь для одного-единственного мужчины на свете — русского императора.

Этим интересным попутчиком был Савва Владиславич-Рагузинский. Блистательный эрудит, хитроумный серб, который прекрасно знал Италию, бывал здесь не раз и оброс густой сетью полезных связей. Ему и карты в руки.

Мария была женщиной умной и уже неплохо изучила образ мыслей своего венценосного покровителя. Она прекрасно понимала, что искусство искусством, но Рагузинский выполняет в Италии куда более важные, тайные поручения Петра Алексеевича. Савва был опытным шпионом. И теперь, получив от государя четкие инструкции, блестяще разыгрывал свою партию.

И пока Мария Дмитриевна томила в Амстердаме, ожидая вестей, в Италии кипела невидимая работа. На вечерние посиделки в резиденцию Рагузинского, словно мотыльки на свет, слетались весьма знатные представители великих северо-итальянских домов. Миссия Саввы изрядно взбудоражила местную аристократию, пробудив жгучий интерес к далекой, набирающей силу России.

В светлых умах итальянских патрициев начала зреть смелая мысль: а что, если в обозримом будущем использовать

русского медведя, чтобы разжечь железную хватку австрийских Габсбургов? Если не ради обретения полной независимости, то хотя бы для того, чтобы выторговать себе куда большие преференции и автономию.

Раскусив истинные мотивы блистательного русского эмиссара, итальянцы не стали закрываться. Напротив, они охотно, с заговорщицкими улыбками делились с Рагузинским ценнейшими политическими и военными сведениями. Незримая дипломатическая паутина плелась безупречно.

Она страстно желала как можно быстрее завершить свою миссию и вернуться в Петербург. Особенно теперь, когда до Амстердама докатились тревожные слухи, что русский государь лично отправится на войну. Вся Европа только и судачила о том, что Россия вот-вот получит тяжелую оплеуху от Крымского ханства, подкрепленного свирепыми ордами янычар...

Как же отчаянно Мария хотела находиться в этот момент рядом с ним — с тем единственным, кого поистине полюбила. Ей казалось, что еще четыре года назад она была без ума от императора — того, прежнего Петра, который одновременно и восхищал ее, и вызывал противоречивые чувства на грани отторжения. Пьяный, резкий, порой похабный... она все равно любила его. Но теперь! Каким стал Петр Алексеевич сейчас... Каким внимательным, глубоким и чувственным он умел быть, и как невероятно он изменился!

Вдали от него женщина мучительно томилась. Она в упор

не замечала других мужчин, которые неизменно вились вокруг нее, куда бы она ни приехала. В Европе, несмотря на то что княжна старалась не задерживаться ни в одном городе дольше пары дней, ее уже успели прозвать «Ледяной русской принцессой». В кулуарах шептались: раз она столь красива и сказочно богата, но не позволяет ни одному кавалеру даже поцеловать свою руку, не говоря уже о большем — значит, сердце ее изо льда. Ну и, конечно же, с ней «что-то не так».

Деликатный стук в дверь прервал размышления любимой женщины русского монарха.

— Войдите! — позволила Мария Дмитриевна.

Она мгновенно подобралась, пересела на самый край кресла и грациозно, по-светски выпрямила спину.

На пороге просторной комнаты — в небольшом, но роскошном особняке, снятом в лучшем районе Амстердама, — показался князь Борис Иванович Куракин.

Еще один ухажер. Впрочем, этот хотя бы отличался дипломатичной ненавязчивостью. В свое время он лишь вскользь дал понять, что был бы весьма не прочь добиться ее расположения, но, натолкнувшись на холодную вежливость, черту переступить не стал.

Да и в целом, будучи послом России во Франции и находясь в Париже, хитроумный Куракин каким-то шестым чувством уловил масштаб изменений, происходящих в Петербурге. Ему хватило ума понять: на трон словно вернулся тот самый, молодой и невероятно деятельный Петр Алексеевич,

который не мог прожить и дня, чтобы не выпустить указ, не вникнуть в чертежи или не поработать в мастерской.

А уж коль государь решительно бросил пить, заменив шумные ассамблеи изматывающей систематической работой — то, как правильно смекнул князь, нужно срочно соответствовать новому курсу. Иначе старые элиты, привыкшие к вольнице, утянут его на дно вместе с собой.

А рыльце у Бориса Ивановича, как и у многих сановников, было в изрядном пушку. В последние годы при Петре Великом мало кто не пользовался своим положением в личных целях. Вот и русское посольство во Франции тянуло из Петербурга средств куда больше, чем того требовала реальная дипломатическая работа. Теперь же Куракин спешил доказать свою безоговорочную преданность и полезность.

— Ваша светлость, — Куракин переступил порог и ответил княжне глубокий, нарочито почтительный поклон. Так кланяются не просто равной по статусу, а особе королевской крови.

Не сказать, что Марии Дмитриевне это не польстило. Конечно, она не была лишена ни здорового женского тщеславия, ни амбиций. Если бы русский государь однажды предложил ей стать императрицей, внутри этой умной и целеустремленной женщины не дрогнуло бы ни единого сомнения — она с достоинством приняла бы корону. Но Мария была слишком мудра для того, чтобы когда-либо, даже самым тонким полунамеком, указать Петру на свои тайные же-

лания.

— Будет вам меня “светлостью” звать. Но я ждала вас, Борис Иванович, — негромко произнесла Мария Дмитриевна. — Удалось ли вам добыть то, о чем столь настоятельно просил Его Императорское Величество?

— Да, ваша светлость. И, признаться, стоило мне это невероятных трудов, — Куракин присел в предложенное кресло напротив Кантемир. Он бережно положил на инкрустированный столик плоский прямоугольный сверток и принялся его разворачивать. — Казалось бы, пылится во французских королевских кладовых старая доска, до которой никому нет особого дела. Но я совершил оплошность: слишком рано и явно обозначил интерес русского монарха к этому творению. Французы тут же почуяли выгоду...

Слой плотной защитной шерсти упал на стол. За ним последовал мягкий шелк. И вот перед взором Марии Дмитриевны предстало творение великого итальянца, о котором Петр Алексеевич упоминал в своих письмах множество раз.

Княжна чуть прищурилась, силясь понять, что же с самого начала привлекло императора в этой не самой яркой картине. На первый взгляд, она не казалась чем-то значительно лучшим, чем те масштабные полотна Ренессанса, что Мария уже скупила для будущего Русского музея.

С потемневшего от времени дерева на нее смотрела женщина. В ее лице, в едва заметном, словно бы болезненном прищуре, читалась странная эмоция. Казалось, эта флорен-

тийка либо безмерно тоскует, либо прямо сейчас терпит какую-то внутреннюю боль, готовая вот-вот расплакаться. А может... может, она просто сдерживает насмешливую улыбку? Это была Мона Лиза. Джоконда.

Мария медленно поднялась. Куракин, подчиняясь этикету, тут же дернулся, чтобы встать следом, но княжна властным жестом остановила его, приказав оставаться на месте.

Она обошла стол, посмотрела на картину под одним углом, затем перешла на другую сторону. Вблизи магия Леонардо да Винчи начала действовать. Мария все еще до конца не понимала, в чем кроется это волшебство, но оторвать взгляд от картины было невозможно. Глаза флорентийки словно затягивали зрителя в самую душу Джоконды.

— Я не представляю, откуда Петр Алексеевич вообще узнал об этой картине во всех подробностях, но она... она и впрямь великолепна, — тихо выдохнула княжна.

А вот Куракин, несмотря на то что обладал исключительным вкусом и слыл тонким ценителем искусств, в глубине души оставался несколько разочарован самой живописью. Зато он прекрасно понимал ее цену. Ему пришлось задействовать все свои дипломатические таланты, подкупить половину двора регента во Франции и выплатить за эту потемневшую доску воистину баснословные деньги.

— Я хотел бы просить вас об одолжении, Мария Дмитриевна, — осторожно начал Куракин, глядя в глаза фаворитке. — Я желаю, чтобы Его Величество знал: эта картина купле-

на не на казенные средства. Это мой личный дар моему монарху.

Мария Дмитриевна оторвала взгляд от Джоконды и посмотрела на посла. Губы княжны тронула тонкая, все понимающая улыбка.

— А вы поистине искусный плут, Борис Иванович, — мягко, почти ласково произнесла Кантемир. — Можете не сомневаться: государь будет совершенно очарован этой картиной. А значит, рассматривая ее, он уж точно в гораздо меньшей степени будет обращать внимание на все те финансовые недочеты и вольности в работе вашего посольства в Париже, которые, как мы оба знаем, имели место быть. Ваша «индульгенция» принята, князь.

Она еще некоторое время молча смотрела на картину, а затем позвала слуг, чтобы те аккуратно — как они уже наловчились делать за время путешествия — завернули шедевр обратно в ткань и поставили к остальным ящикам, ожидающим скорой погрузки на зафрахтованный до Петербурга корабль.

— Вот, возьмите, — Мария Дмитриевна протянула послу запечатанный пакет. — Государь через меня передал инструкции, согласно которым вам надлежит действовать впредь. Прочитаете их без меня. Я не уполномочена знать их содержимое, не имею права влиять на волю государя или в какой-либо мере толковать ее вам.

Куракин бережно спрятал бумаги во внутренний карман

камзола.

— Князь, не считите за грубость, — вкрадчиво добавила Кантемир, — но вы ведь понимаете, что подобные инструкции надлежит прочитать, а затем немедленно сжечь?

— А вы говорите, что не знаете, что в них, — тонко усмехнулся Борис Иванович.

— Не знаю. Но это не значит, что я не догадываюсь, — изящно парировала Мария Дмитриевна.

Император, конечно, напрямую государственные дела с ней не обсуждал. Но то, как жестко он отчитывал главу Тайной канцелярии Антона Мануиловича Девиера, ей как-то довелось слышать краем уха. Случайно. Просто у государя от природы был очень зычный голос, а его рабочий кабинет примыкал прямо к спальне. Той самой спальне, где Петр Алексеевич еще минуту назад страстно любил княжну, а затем, накинув халат, стремительно уходил работать, оставляя обессиленную женщину нежиться в раскиданных перинах.

Как же она сейчас отчаянно хотела вновь ощутить эти перины, хранившие запах ее императора! И нет, это был не прежний запах перегара, застарелого пота или лошадиной сбруи после долгих конных переходов. Нынешний Петр изменился до неузнаваемости: он мылся так часто, что даже Мария — женщина исключительно чистоплотная — порой этому удивлялась. От него пахло чистотой, дорогим табаком и какой-то будоражащей кровь мужской силой.

Как же она хотела к нему...

Впрочем, ждать оставалось недолго. Через две недели завершатся сложные переговоры по скупке полотен Питера Пауля Рубенса и пока еще мало кому известного в самой Голландии Яна Вермеера. Как только курьеры доставят в Амстердам свежие партитуры «Времен года», написанные итальянцем Вивальди, и переписанные ноты германского гения Баха... Она тут же, не теряя ни часа, взойдет на борт и отплывет в Санкт-Петербург.

А уж оттуда — если только не поступит строгого государственного указа сидеть в столице — она со всей возможной прытью, подгоняемая ветрами любви, помчится на юг. Туда, где гремят пушки. К своему любимому мужчине.

На северо-запад от Бахмута

14 мая 1725 год.

Генерал от кавалерии Иоганн Бернгард фон Вейсбах сидел за походным столом с таким невозмутимым видом, словно ему зачитывали не сводку о приближающихся вражеских ордах, а меню предстоящего обеда. В идеально чистом мундире, с белоснежными, ничуть не запыленными кружевными манжетами, он являл собой разительный контраст с прокопченной, пропахшей конским потом и степной пылью реальностью Дикого поля.

Полковник Изюмского казачьего полка Лаврентий Иванович Шидловский закончил свой доклад и, не скрывая раздражения, скосил глаза на стоящего рядом адъютанта.

— Ты ему всё переводишь, что я гутарю? — процедил казак вполголоса. Он явно ожидал совершенно иной реакции от этого расфуфыренного «немца». Где паника? Где лихорадочные приказы?

— Мне нет нужды в толмачах. И я не понимаю, с чего вы вообще взяли, полковник, что я не владею русским языком, — прозвучал спокойный, глубокий голос.

Шидловскому почудилась в этом тоне издевательская насмешка. Он вскинул взгляд. Вейсбах смотрел на него прямо, холодно и очень цепко. И русский язык у этого «немца» (впрочем, немца ли?) был чище, чем у многих при дворе.

— Прошу простить... Вы, видимо, тот самый, кого государь давеча назначил командующим всей регулярной кавалерией в Малороссии? — Шидловский даже не попытался скрыть пренебрежительной интонации. Слово «регулярной» он выплюнул, как косточку.

— И отчего же так вышло, Лаврентий Иванович, что я о вас знаю всё, а вы обо мне — почти ничего? Хотя подчиняетесь с этой минуты именно мне, — последние слова Вейсбаха прозвучали уже без прежней отстраненности. В них лязгнула обнаженная сталь, властно и угрожающе. Генерал чуть подался вперед, и его глаза потемнели.

Шидловский стиснул челюсти так, что желваки заходили ходуном.

— Прошу простить... господин генерал-лейтенант, — нехотя, через силу выдавил из себя изюмский полковник, ед-

ва заметно склонив голову.

Ему, полноправному хозяину этих степей, физически больно было гнуть шею перед заезжим генералом. Здесь, вокруг Изюма и Бахмута, раскинулось Дикое поле — край, где казаки привыкли гулять сами по себе, порой даже устраивая кровавые стычки между своими же полками. Именно с этих пыльных шляхов когда-то полыхнул бунт Кондратия Булавина — мятеж, прикрытый высокими словами о «казачьих вольностях», но на деле рожденный нежеланием отдавать короне бахмутскую соль.

Долгие годы в Петербурге словно бы старались не замечать этого своенравного края. Полковники здесь отвыкли от жесткого диктата сверху. А теперь... теперь этот лощеный чужак приказывает ему.

— У вас устаревшие данные. Я наделен чином генерала от кавалерии. Ну так я жду продолжения вашего доклада, господин полковник, — требовательным, ледяным тоном оборвал его мысли Вейсбах.

— Да что тут докладывать? — Шидловский упер руки в бока. — Передовые разъезды татар пожаловали, рыскают, вынюхивают. Я со своими хлопцами гоняю их, как могу. Но их с каждым днем всё больше лезет со стороны Муравского шляха.

— Правильно делаете. Это я одобряю, — кивнул Вейсбах. — Но как обстоят дела с дорогой на Бахмут? И мне с моими драгунами, и вашим полкам надлежит немедленно вы-

двинуться туда. Если, разумеется, у вас нет иных, прямых поручений от государя.

— Как же нету? — лицо Шидловского вдруг озарилось широкой, злорадной и какой-то победоносной ухмылкой. Он достал свой козырь: — Государь-то нынче у меня в имении гостит. И приказы я получал лично от него.

Рука Вейсбаха, тянувшаяся к серебряному кубку с вином, замерла в воздухе на долю секунды.

Генерал медленно откинулся на спинку походного кресла. Мозаика в его голове сложилась мгновенно. Если Петр Алексеевич тайно находится в Изюме, прячась за спинами нерегулярных казачьих полков, а ему, Вейсбаху, государь приказал открыто, с барабанным боем и развернутыми знаменами вести всю регулярную европейскую кавалерию на Бахмут...

«Mein Gott... Он делает из меня приманку», — мысленно ахнул Вейсбах.

Дюжина регулярных полков, сверкающих палашами и кирасами, привлечет к себе внимание всей татарско-турецкой орды. Янычары решат, что это и есть главная русская сила. Они ударят по Вейсбаху всей мощью, пока император будет готовить им захлопывающуюся мышеловку из засады.

На самом деле Иоганн Бернгард был человеком крайне эмоциональным — горячим и отчаянным рубакой. Иначе его просто не поняли бы в кавалерии. Иначе он не смог бы в кровавой карусели под Полтавой, когда шведская пуля выбила из седла генерала Ренне, мгновенно взять командование на

себя и обрушить эскадроны прямо во фланг шведам. И уж точно он не смог бы уживаться с буйными малороссийскими полковниками, если бы не умел закатывать такие застолья, что позавидовали бы столичные ассамблеи.

Но сейчас внешне он остался неподвижен, лишь в глазах вспыхнул хищный, азартный огонь. Он понял замысел царя. Грядет не просто очередное отражение набега. Назревала грандиозная война. Битва на уничтожение, в которой русский государь не отступит ни на шаг.

Сиди на российском троне какой-нибудь польский курфюрст Август или датский король Кристиан, дело бы дошло до капитуляции еще до первых серьезных залпов. Но упрямство и жестокий гений Петра уже вошли в легенды. И если царь решил использовать своего лучшего кавалерийского генерала как кусок мяса на крючке — значит, так тому и быть. Капкан должен захлопнуться.

— Тогда извольте изложить мне, Лаврентий Иванович, — Вейсбах подался вперед, глядя на казака уже не как на подчиненного, а как на напарника по смертельной игре, — чем именно вы намерены заниматься со своими хлопцами? И как вы поможете мне выполнить то самое поручение государя, о котором мы оба теперь догадываемся?

Впрочем, память услужливо подкинула генералу и другую картину. Он слишком хорошо помнил слезы и истерику русского царя на берегах реки Прут в одиннадцатом году. Тогда турки наглухо окружили огромное русское воинство, и вся

кампания грозила полнейшим разгромом, позором и даже смертью самого Петра Алексеевича. Но царь выжил, выстоял и вынес жестокий урок. Тот Петр, что сидел сейчас в Изюме, слез уже не лил. Он лил кровь.

— Сопровождайте меня, а когда прибудем на место — отправитесь назад к государю. У меня будет, что передать ему с вами, — отчеканил Вейсбах.

Как минимум, ему надлежало передать Его Императорскому Величеству глубочайшую благодарность. Буквально три недели назад из столицы пришли бумаги о присвоении ему очередного чина — генерала от кавалерии. Старый немецкий рубака, который душой давно стал больше русским, чем любой природный русак (хотя упрямо отказывался менять лютеранство на православную веру), ценил такие жесты.

Шидловскому до зубовного скрежета не хотелось прощаться со своей степной вольницей и правом единолично распоряжаться полком. Но тут уже ничего не попишешь. Государь, который давеча столь ласково отнесся к полковнику и даже удостоил похвалы его скромное изюмское жилище, где сейчас тайно изволил квартировать, будет в ярости, если узнает о неповиновении. А гнева Петра Лаврентий Иванович боялся больше, чем самого дьявола.

Войско Вейсбаха вытянулось в походную колонну. Зрелище было пестрым, словно лоскутное одеяло. Ядро составляла рота закованных в сталь кирасир — личная гвардия гене-

рала, им самим созданная, обученная и получающая жалование из его личного кошелька. За ними шли регулярные драгуны. Следом пылила разношерстная ватага запорожских казаков. А теперь к этому котлу добавились еще и лихие изюмцы Шидловского. С такой силой, как полагал Вейсбах, можно было бы замахнуться и на генеральное сражение. Правда, он пока не знал, какими силами располагают татары.

— Сколько их там рыскает? — вполголоса спросил генерал, когда Шидловский поравнялся с ним. Они ехали стремя в стремя, успешным, но пока не изматывающим шагом двигаясь к Бахмуту.

— Да под сорок тысяч сабель. И это не считая турецких янычар, — буднично, словно между делом, бросил изюмский полковник, всматриваясь в горизонт.

Руки Вейсбаха сами собой дернулись. Генеральский жеребец, почувствовав, как стальной мундштук жестоко рванул углы губ, а шпоры неожиданно и больно впились в конское брюхо, истошно заржал. Конь взбрыкнул, взвился на дыбы, едва не высадив опытного наездника из седла. Вейсбаху потребовалось несколько долгих секунд, чтобы усмирить храпящее животное.

— Сколько?! — переспросил немец, с трудом обретая дар речи.

— Ну, может, и того больше, кто ж их в степи по головам сосчитает, — философски пожал плечами казак.

У генерала перехватило дыхание. В горле встал жесткий

ком, глотать слюну стало невыносимо больно, словно он наглотался битого стекла. Иллюзии рухнули окончательно. Он всё понял.

Его вели на заклание. Его блестящие кирасиры, драгуны, эти дикие казаки — все они были просто куском кровоточащего мяса, брошенным в пасть хищнику.

Петр Алексеевич рассчитал всё с пугающей жестокостью. Если сорокатысячная орда просто разбредется по необъятной степи Дикого поля, она легко просочится сквозь Засечные черты, которые в последние годы изрядно обветшали и лишились должного гарнизона. Татары вырежут сотни деревень, сожгут уезды. Чтобы этого не случилось, орду нужно было приковать к одному месту. Оставить под Бахмутом, подсунув им жирную, дразнящую цель — регулярного генерала с армией. Заставить их ввязаться в осаду и рубку без существенных шансов для защитников на победу.

После семи часов изматывающего перехода по раскаленной степи обошлось без происшествий. Вейсбах приказал остановиться на двухчасовой привал. Лошадям нужно было отдохнуть. Едва войска снова поднялись в седла и колонна двинулась в путь, как тишину разорвал гортанный крик:

— Татары!

Генерал даже не сразу понял, откуда пришло донесение. Разведка Шидловского какими-то своими, невидимыми глазами знаками — то ли взмахом пика на дальнем холме, то ли птичьим свистом — передала, что враг уже на расстоянии

броска.

Последовали короткие, рубленые приказы. Еще не зная точной численности передового отряда противника, Вейсбах вдруг почувствовал, как внутри закипает яростная, почти животная жажда драки. Осознавать, что собственный государь хладнокровно принес его в жертву, было невыносимо тяжело. Это отравляло душу. Вейсбах хотел выплеснуть эту желчь в рубке.

А как иначе? Разум Вейсбаха бунтовал. Если регулярная русская армия вместе с императором находится в непосредственной близости, в Изюме, почему она не выдвигается на помощь? Почему не занимает оборонительные рубежи вокруг Бахмута, не окапывается, не строит редуты, чтобы дать бой орде всем вместе?

В залитую адреналином голову кавалериста так и не пришла светлая мысль о том, что у русской армии, затаившейся в Изюме, предназначение совершенно иное. Настоящая мышеловка. Но Вейсбах не был стратегом. Он был блестящим тактиком поля боя. Ему было сказано держаться в Бахмуте, а в случае, если удерживать позиции станет физически невозможно — прорываться с боем.

И именно это он, генерал от кавалерии Иоганн Бернгард фон Вейсбах, намеревался выполнить. До последней капли крови.

Татарский заслон. Передовой тумен, тысяч десять сабель, отрезал им путь к Бахмуту. Они стояли плотной полулунной

дугой, перекрывая шлях. За их спинами, в сизой дымке, едва угадывались деревянные башни бахмутской крепости — их спасение и их же будущая тюрьма.

Вейсбах натянул поводья, останавливая колонну. Воздух вдруг стал густым, тяжелым, пахнувшим сухой полынью и конским потом.

Лаврентий Иванович подъехал вплотную. В его глазах уже не было ни насмешки, ни спеси — только холодный, хищный азарт старого степного волка.

— Ну что, ваше превосходительство? — оскалился казак, выхватывая из-за пояса пару тяжелых пистолей. — Обложили. Их там тьма, а мы как кость в горле.

— Мы не кость, полковник. Мы — клинок, — процедил Вейсбах, обнажая свой тяжелый офицерский палаш. Металл со зловещим шипением покинул ножны. — Слушай мой приказ. Твои хлопцы идут первыми. Развернитесь лавой, подлетите на пистолетный выстрел, дайте залп и уходите на фланги. Поднимите столько пыли и дыма, чтобы они ослепли.

Шидловский понимающе кивнул. Европейская тактика в степи.

— А вы? — спросил он, намекая, что генерал хотел бы чужими руками решить исход битвы.

— А я ударю в центр. Мы проломим их, как гнилой забор. Казак гикнул, разворачивая коня на дыбах:

— За мной, хлопцы! Покажем татарве, чья это степь!

То, что произошло дальше, было похоже на спуск лавины. Казачья конница сорвалась с места не стройными рядами, а диким, ревущим потоком. Они неслись к татарскому строю под пронзительный свист и гиканье. Татары ответили — небо вдруг потемнело от тучи выпущенных стрел. Вейсбах видел, как падают казачьи кони, как кувыркаются в пыли всадники, но лава не остановилась. Не доскавав полсотни шагов, казаки дали дружный залп из мушкетов и пистолей.

Густой, сизый пороховой дым смешался со степной пылью, создав непроницаемую завесу. Татары дрогнули, сбились с ритма, их кони захрапели, пугаясь грохота.

И в этот момент, сквозь рассеивающийся дым, на них обрушился бронированный кулак генерала Вейсбаха.

— Vorwärts! Марш-марш! — рявкнул Иоганн Бернгард, вонзая шпоры в бока своего жеребца.

Регулярная кавалерия перешла в галоп. Это был не дикий наскок степняков. Это была безжалостная машина разрушения. Земля дрожала под копытами сотен тяжелых коней. Впереди, выставив длинные палаши, неслась рота кирасир, за ними, сомкнув ряды, накатывали драгуны.

И тут...

— Они уходят! — закричал адъютант генерала.

— Вижу, — с досадой, придерживая своего коня, сказал Вейсбах. — Не дураки попались нам. Уйдут к основным силам.

Скоро впереди, сквозь рассеивающуюся пыль, показались

распахнутые ворота Бахмута. Со стен уже били пушки гарнизона, прикрывая прорывающихся огнем, отсекая преследователей картечью.

Вейсбах влетел под спасительные своды крепостных ворот одним из первых. За ним с грохотом вкатывались выжившие кирасиры, драгуны, а казаки Шидловского рванули в сторону, уходя от укрепленной русской твердыни

Они прорвались.

— Или нас великодушно запустили в ловушку, — вслух сказал генерал.

Тут же он подобрался и отдал свой первый приказ внутри укреплений Бахмута.

— Созвать Военный Совет — немедленно!

От автора:

Решив уснуть навеки, он приказал ни в коем случае его не будить. Но его разбудили. И он этому несколько не рад. Боевая фантастика с каплей реалрпг доступна по ссылке - <https://author.today/work/441465>

Глава 2

Петербург

15 мая 1725 года

Уильям Снайдер тяжело спустился по деревянным сходням с борта торгового судна Ост-Индской компании. Его сапоги наконец-то ударились о твердые доски пирса, и он не смог скрыть облегченного выдоха. Проклятая качка, выворачивавшая внутренности наизнанку долгие недели, наконец-то закончилась. Если верить байкам о том, что у каждого британца в груди бьется истинно морская душа, то Снайдер определенно был бракованным англичанином. Он ненавидел море всеми фибрами своей души.

Ненавидел... вот только судьба неизменно толкала его в морскую пучину. И сейчас он хотел прервать этот порочный круг.

— В две шеренги стройся! — надсадно проорал представитель компании «Русское золото».

Снайдер смерил его тяжелым, враждебным взглядом. Этот обрюзгший, небритый тип с бегающими глазками ну никак не тянул на солидного клерка. В его повадках, в том, как он держал плечи и гавкал на людей, двадцатипятилетний Уильям безошибочно угадывал повадки портового головореза. Скорее уж пират, чем чиновник.

Снайдер знал, о чем думал и о чем предполагал — он сам был пиратом. С шестнадцати и до двадцати лет он бороздил просторы Карибского моря, беря торговые суда на абордаж. И при этом каждый день ненавидел всё, что было связано с парусами, солью и качкой. Наверное, он и сбежал от флибустьеров на сушу только из-за этой ненависти.

Но проклятое море преследовало его. Стоило ему осесть на Ямайке, взять другое имя, как всё пошло прахом. Во всем был виноват ром. Напился в портовом трактире, раздухарился, ввязался в драку... Дело житейское.

Но на беду в таверне околачивались вербовщики военного флота. Они быстро взяли пьяного парня в охапку, обманом заставили подмахнуть какую-то бумагу, и очнулся Уильям уже в зловонном трюме военного брига, под удары боцманского линька. Сбежать удалось только в Англии. Там, вновь сменив имя, он прибил к конторе «Русского золота», наплетя с три короба, что с детства знает горное дело и умеет мыть породу. Квалификацию никто не спрашивал — брали весь сброд. И вот он здесь. В холодном Петербурге.

— Чего застыл, рвань?! Сказано — строиться! — вербовщик шагнул вплотную и грубо толкнул Снайдера в плечо.

Уильям медленно повернул голову. Он посмотрел на своего обидчика таким мертвым, ледяным взглядом, что тот инстинктивно отшатнулся на полшага назад.

— Еще раз меня тронешь, — очень тихо, не разжимая зубов, процедил парень, — и я голыми руками вырву тебе глот-

ку.

— А ты вот ему попробуй вырвать, — криво, нервно усмехнулся чиновник, кивая куда-то за спину англичанина. — Все, моя власть над вами теперь заканчивается. В добрый путь!

Вербовщик рассмеялся.

Снайдер обернулся. По каменному настилу пирса, чеканя шаг, к их разношерстной толпе приближался отряд солдат. Впереди вальяжно шествовал рослый, широкоплечий сержант, буквально излучающий уверенность и сытую силу.

— Хорошо тут этих псов кормят, раз такие быки служат, — хрипло пробормотал какой-то оборванец слева от Уильяма.

— Да-а, пожрать сейчас было бы неплохо... — эхом отозвался другой доходяга справа.

Но Снайдеру было не до еды. Его звериное чутье взвыло об опасности. Он вдруг ясно понял: происходит что-то не то. Из-за спины гвардейского сержанта вынырнул невысокий лысоватый человек и с легким поклоном передал «чиновнику» компании увесистый, звенящий кожаный мешочек. Вербовщик хищно оскалился, взвешивая плату на ладони. Это была их цена.

— Нас купили. Как скот на невольничьем рынке, — тихо, скорее самому себе, произнес Снайдер.

Он затравленно огляделся по сторонам, лихорадочно оценивая шансы. Бежать было некуда. Сзади — пугающие, ле-

дяные волны Финского залива, в которых тело сведет судорогой за пару минут. А впереди — три десятка рослых русских гвардейцев с примкнутыми штыками, уже берущих их толпу в плотное кольцо.

— Мы так не договаривались! — хриплый, надсаженный голос мужика, стоявшего плечом к плечу со Снайдером, выразил всеобщее негодование. Это был кряжистый, заросший щетиной портовый грузчик, кутающийся в дырявую куртку.

Вперед неспешно вышел тот самый невысокий, лысоватый человек, что передал деньги вербовщику. Он кутался в дорогой суконный сюртук с богатым меховым воротником. Его лицо, гладкое и сытое, выражало лишь снисходительную скуку.

— Прошу вас не беспокоиться. Вы действительно направитесь на золотодобычу, как это было с вами оговорено, — на ломаном английском, тяжело коверкая слова, но с пугающим спокойствием произнес русский чиновник.

— В качестве кого?! — не выдержал Снайдер, делая полшага вперед. — Как рабы?!

Чиновник смерил Уильяма холодным взглядом с ног до головы.

— Ну какие же вы рабы? — он тонко усмехнулся. — Вы просто рабочие. Но до того, как прибудете на место, вы бесправны. Захотите сбежать — словим и убьем. А труп всё равно доставим по месту назначения. Мне приказано привезти три сотни голов в башкирские земли, где нашли золото. И я

их привезу. А живых или мертвых — это мне уже не важно.

Глухая волна возмущения прокатилась по толпе обманутых англичан. Кто-то дернулся вперед, раздались ругательства. Но стоявшие в оцеплении рослые русские гвардейцы в темно-зеленых мундирах не дрогнули. С сухим, зловещим лязгом взвелись курки тяжелых мушкетов, а длинные граненые штыки хищно опустились на уровень груди бунтовщиков. Эти угрюмые солдаты недвусмысленно давали понять: если надо, они без раздумий пустят кровь.

Снайдер тяжело сглотнул, но к ситуации подошел с холодным рассудком. Его мозг, натренированный пиратским прошлым, тут же начал взвешивать шансы на выживание.

«А чего я, собственно, ждал? — рассуждал про себя Уильям, медленно отступая обратно в строй. — Разве они должны были давать нам, чужакам, вольницу на своих землях? А что, если бы мы разбрелись по России и начали тут разбойничать? Правильно делают, что держат нас под стволами. Но ведь от главного никто не отказывается — золото мы намыwać будем. И долю свою получим. Вот только где этот проклятый Миасс находится?»

Снайдер, конечно, не был совсем уж наивным дураком. Пересекши Атлантику, он понимал, что мир куда масштабнее и больше крошечной Англии. Он догадывался, что и Россия — страна просторов. Но в его представлении всё это «широкое» укладывалось в понятные рамки: ну, может, дней десять пути пешком, и они дойдут до этого Миасса, встанут

лагерем у реки и начнут грести золото лопатами. О том, что до Уральских гор тысячи верст глухой, непроходимой тайги, он даже помыслить не мог.

Напряжение спало, когда на пирс выкатили огромные дымящиеся котлы. Их покормили. И Снайдер даже позволил себе скупую внутреннюю улыбку. Горячая, наваристая каша с кусками сала и краюха плотного черного хлеба как-то сразу притупили тревогу. Мясо, идущее на убой, так сытно не кормят. Зачем? Это же не так и дешево стоит – такая сытная еда, а еще и каждому желающему налили хлебного вина.

Уильям отказался. Он знал, что если только попробует... остановится будет сложно. Станет забирать у других вино, буянить.

— Скорее бы уже намыть столько золота, чтобы приехать в Англию лордом! — чавкая, радостно пробормотал сосед Уильяма, Чак Линдси. Это был тощий, вечно суетливый парень с лихорадочно блестящими глазами. — Думаю, у нас скоро будут продавать не только баронства, но и графские титулы. Я хочу стать графом. Куплю себе поместье в Кенте! А ты, Уильям, хочешь стать графом?

— Я не думаю, что это вообще возможно, дружище Чак, — мрачно отозвался Снайдер, выскребая деревянной ложкой остатки каши. — Нам бы отсюда просто живыми вернуться с набитыми карманами.

— Да брось ты! — отмахнулся Чак, довольного вытирая рот рукавом. — Рабов так вкусно не кормят! Если бы нас хоте-

ли кинуть, то давно распихали бы по тюрьмам или побрили в рекруты, да отправили на войну. Ты же слышал в порту? Русские начали воевать с турками! И, скажу тебе по секрету, я уверен, что русские им проиграют. Так что, брат Уильям, план такой: нам нужно очень-очень быстро намыть много золота и убраться из России до того момента, когда она станет турецкой провинцией!

Снайдер лишь покачал головой, глядя на непроницаемые, словно высеченные из камня лица конвойных. Что-то подсказывало ему, что туркам с этими парнями придется несладко. Да и им самим — тоже.

Чак Линдси был парнем простым, примерно тех же лет, что и сам Снайдер. Но если Уильям к своим двадцати пяти успел вдоволь нахлебаться соленой воды, повидать кровь и понюхать порошу на Карибах, то Чак оставался до тошноты простодушным и пугающе доверчивым. На родине он умудрился вляпаться в какую-то скверную историю — не то перешел дорогу влиятельному лорду, не то подделал долговой вексель, и теперь в Англии его ждала верная петля.

Желая спасти свою шею, Линдси рассудил, что лучшего укрытия, чем дикая, неведомая Россия, ему не найти. Здесь его точно не достанут ни лондонские констебли, ни королевский суд. Именно поэтому Чак, в отличие от одурманенного ромом Снайдера, подписал этот дьявольский контракт с «Русским золотом» в трезвом уме и совершенно добровольно.

Но оба они — и прожженный морской волк, ненавидящий море, и беглый лондонский авантюрист — даже в самых страшных кошмарах не предполагали, насколько чудовищно необъятна эта империя и какой ледяной ад ждет их впереди.

— Поднимай этот сброд! Выступаем! — разорвал гул голосов зычный крик гвардейского сержанта.

Застучали приклады, закрипели тяжелые колеса обозных телег, груженных провиантом и каким-то железным инструментом. Колонну обманутых искателей удачи грубо согнали в походный строй. Снайдер закинул за спину свой тощий узелок с жалкими пожитками и тяжело зашагал вперед, окруженный плотным кольцом вооруженного конвоя.

Сначала их путь лежал через сам Петербург. Столица Российской империи подавляла англичан своим мрачным, холодным величием. Ветра, холодные воды бесчисленных водоемов, закованные в серый гранит, и пронзительный ветер, гуляющий по непривычно широким проспектам, заставляли съезживаться от первобытного страха. Редкие прохожие провожали бредущую в окружении солдат толпу чужеземцев тяжелыми, совершенно равнодушными взглядами.

Но настоящее осознание беды начало подкрадываться к Уильяму чуть позже, когда каменные строения поредели, а городские заставы остались далеко позади. Мощеные улицы сменились раскисшим, вязким земляным трактом, серой лентой уходящим куда-то за горизонт. По обе стороны от изрытой колеи стеной встал глухой, бесконечный лес — тем-

ный, сырой, дышащий сыростью и гнилой листвой. Деревья здесь были совершенно не похожи на аккуратные, прореженные английские дубравы; это была дикая, первозданная чаща, от которой веяло скрытой угрозой.

Чак Линдси, громко шлепая стоптанными башмаками по лужам, все еще пытался бодриться.

— Вот увидишь, Уилл, неделька-другая легкой прогулки на свежем воздухе, и мы будем на месте! — болтал он, потирая замерзшие ладони. — Зато не на корабле, верно? Земля под ногами!

Снайдер промолчал, плотнее запахивая куртку. Он поймал насмешливый взгляд конвойного, шагавшего по краю обочины. Русский солдат, обветренный, с густыми усами и глубоким шрамом на щеке, сплюнул себе под ноги. Он явно слышал бодрый тон Чака. Солдат похлопал по длинному стволу своего мушкета, покачал головой и хрипло рассмеялся, широким жестом руки указывая на бескрайнюю полосу леса, уходящую в туманную даль.

Уильям не знал ни единого слова по-русски, но в этом снисходительном смехе и взмахе руки он безошибочно прочитал суровый приговор: они будут идти вечно. И живыми до этого проклятого Миасса дойдут далеко не все.

Бахмут

20 мая 1725 года

— Бах! Бах! Бах!

Тяжелые, сотрясающие саму землю разрывы турецких ядер разорвали в клочья короткую, казавшуюся почти нереальной тишину. С бревенчатого потолка избы на стол посыпалась сухая земля. Генерал Иоганн Бернارد фон Вейсбах глухо чертыхнулся, послав на своем родном немецком языке и турок, и татар, и это пекло так далеко и глубоко, как только позволяло его не самое благовидное воспитание.

Он со стуком отставил глиняную кружку с недопитым квасом. Генералу полюбился этот местный напиток. Удушающая, липкая жара стояла такая, что без обильного питья можно было легко поймать тепловой удар прямо в седле. Солнце выжигало степь, превращая воздух в дрожащее море.

Дверь с грохотом распахнулась. В избу, задыхаясь, вбежал Роман Шидловский — сын атамана, полковника Изюмского полка, которого Вейсбах недавно отправил с депешей к императору. Лицо есаула было черным от пороховой гари, мундир на плече пропитан свежей кровью.

— Что там? — хмуро спросил генерал, поднимаясь из-за стола.

— Татары пошли на очередной приступ, ваше превосходительство! Опять прут! — хрипло выдохнул Роман Лаврентьевич Шидловский.

Это был старший сын Изюмского полковника, а еще и одновременно богатейшего человека не только Изюма, но и

Харькова, да всей Слабожанщины. Но они и воевали, не почили на своих богатствах.

Вейсбах скрипнул зубами. На его лице отразилось не страх, а тяжелая, изматывающая усталость. Словно татары были не смертельной угрозой, а назойливой, обнаглевшей мошкаррой, которая не дает уснуть. Но за этим показным раздражением скрывалось ледяное понимание катастрофы.

Восьмой штурм. Когда враг бросается на твои позиции в восьмой раз подряд, перешагивая через горы собственных мертвецов, ты начинаешь относиться к этому как к кровавой, жуткой обыденности.

Генерал вышел из избы в раскаленный ад Бахмута. Положение было отчаянным. Силы татар казались поистине неисчислимыми. Из-за густых туч пыли и наличия заводных копей создавалось жуткое впечатление, что на горизонте сомкнулась орда из более чем ста тысяч всадников. Русских же защитников оставалась горстка.

Грязные, оборванные, оглохшие от канонады, они держались на одном упрямстве. Суровая математика войны выносила свой приговор: даже если за свою жизнь один русский солдат, прежде чем упасть, забирал на штыке три жизни татарских, этот размен был фатально не в пользу защитников. Людей просто не оставалось. Но и крымские силы стачивались. И будь защитников хоть ненамного, но больше нынешнего... Можно было уверено держать оборону.

Вейсбах тяжелым шагом приблизился к первой линии

обороны — разбитым земляным ретрашментам. Эту траншею только вчера удалось отбить у татар в штыковой контратаке, ликвидировав единственный пока успех ханского войска. Земля здесь была буквально пропитана кровью и устлана телами.

Знает ли крымский хан Менгли II Гирей, сколько его людей сложили головы в той мясорубке? Вейсбах мог только догадываться, а хан не хотел слушать цифры, он хотел быстрее разобрать все русские укрепления и ворваться на просторы, разоря множество деревень и сел.

Русские потери тоже были чудовищны. И гибли солдаты не столько в самом бою, сколько гнили заживо в переполненных лазаретах. Татарские стрелы, измазанные в грязи, не обладали останавливающей силой тяжелых свинцовых пуль, но ранили они массово. Любая царапина в этой жаре обоживалась горячкой и гангреной. И в этом была зловещая сила древнего оружия.

— Вжи-и-и-у!

Смертоносный свист стрелы разрезал воздух прямо над треуголкой генерала. В ту же секунду перед Вейсбахом вырос рослый адъютант, с глухим стуком перекрывая его тяжелым дощатым щитом — таких тут наскоро сколотили сотни для защиты от навесных залпов.

— Weg mit diesem Holz! Уберите эту деревяшку, мне не видно диспозицию! — рявкнул генерал, отпихивая щит, трясясь в том на каком языке ему говорить.

А это верный признак того, что генерал начал теряться. Это был не очередной приступ, это начинался такой накат, который решит исход сражения за Бахмут.

От автора:

Что если ты вернулся в школу со всеми знаниями, которые накопил? Что если здесь учится сын того, кто тебя застрелил? В девяностых, он был опером и погиб, защищая невинного. Но не умер, а стал десятиклассником в нашем времени. А значит история ещё не закончена. ВТО-РОГОДКА Дмитрий Ромов 1 том здесь: <https://author.today/reader/470570/10> том: <https://author.today/work/588620>

Глава 3

Слобожанщина. Изюм

18 мая 1725 года

Похоже, с деньгами я все-таки переборщил. Триста тысяч рублей золотом и серебром, выделенные из казны для найма гайдуков, оказались суммой поистине астрономической. Весть о щедрости русского царя разнеслась по Дикому полю со скоростью степного пожара, так что под мои знамена пришли воевать и стар, и млад.

А уж обещание, в случае чего, немного подсобить с оружием — хотя бы самую худую, ржавую сабельку или пищаль выдать бедолаге, решившему подзаработать копейку на государственной службе, — и вовсе привлекло в наш лагерь невероятно огромную массу людей. Беглые крестьяне, разорившиеся шляхтичи, лихие казаки и откровенные авантюристы всех мастей стекались к нам тысячами.

Глядя на эти пестрые, шумные таборы, мне даже стало весьма любопытно: откуда и почему здесь, на юго-восточных рубежах Речи Посполитой, проживает такое невероятное количество людей? Почему с нашей стороны куда как меньше народа? Разве же татары только нас щипают своими набегами? Или по большей степени нас?

Сперва эта человеческая река казалась неисчерпаемой.

Впрочем, поразмыслив, я понял, что это всё же было субъективное впечатление. Да, там проживало не так чтобы сильно мало подданных польского короля, но уж точно куда меньше, чем первоначально нарисовала моя разыгравшаяся фантазия. Просто звонкая монета вытянула их всех из лесов и хуторов в одно место.

Вспомнились из истории и восстания гайдуков, этих бедных казаков, или даже скорее крестьян. Попили они кровушки и у польских властей и даже у тех самых казаков.

— Почему они живут там, а не у нас? — тихо, сквозь зубы произнес я вслух свои мысли, глядя на колышущееся море походных шатров в долине.

Ехавший чуть позади командующий Южной армией резко подобрался. Зазвенели удила сдерживаемого коня.

— Прошу простить, Ваше Императорское Величество, но я не расслышал приказа! — громко и четко, с военной выправкой отрапортовал генерал-лейтенант Афанасий Матюшкин.

Я слегка повернул голову, бросив на старого вояку спокойный взгляд.

— Извольте успокоиться, генерал. Если я буду отдавать вам приказ, то он прозвучит настолько ясно и громко, чтобы слышали вы его наверняка и без переспрашиваний, — ровным тоном ответил я.

Матюшкин почтительно склонил голову, отступая на полкорпуса лошади назад. Свита держала дистанцию, понимая,

что государь изволит пребывать в задумчивости.

А мне просто был необходим этот воздух. Я физически не мог долгое время сидеть взаперти в душном походном шатре. Тем более что, даже при безупречной организации постоянных докладов от курьеров, реальной управленческой работы в день набиралось от силы на полтора часа.

Остальное время сжирала убийственная рутина. Еще три или четыре часа кряду я, меряя шагами ковры, надиктовывал писарям различные прогрессивные законопроекты, черновики будущих реформ и, откровенно говоря, даже художественную литературу — по памяти вытаскивая из прошлой жизни сюжеты, чтобы хоть как-то расшевелить местное просвещение.

Но, как оказалось, без того, чтобы вечером пообедать с семьей или просто навестить Наташу, мою младшую дочь, мне становилось невыносимо, тоскливо грустно. Ностальгия по домашнему теплу грызла изнутри. Или военные походы — это не мое? Может и не нужен я здесь? Нет, будет еще какая война, без особой надобности, бегать не буду.

Но есть правило в России: если императору грустно, то начинает грустить и лихорадить вся Империя. Придворные из кожи вон лезли, стараясь сделать так, чтобы государева хандра испарилась. Но устраивать дикие многодневные пьянки, карликовые потехи и массовые пиршества прямо во время военного похода, как это с удовольствием делал мой предшественник в этом теле, я уж точно не собирался.

Оставалась, как развлечение, верховая прогулка. Тем более, места здесь открывались поразительные, невероятно красивые. Несколько необычные для глаза коренного жителя лесной полосы России, они завораживали своей бескрайностью. Порой я ловил себя на том, что просто не могу оторвать взора, рассматривая эти необъятные просторы.

Здесь всё решала панорамная перспектива. За одним пластом доступного зрения плавно, словно океанские волны, вырастал другой. Бескрайняя степь, лишь изредка изламываемая небольшими зелеными перелесками и оврагами, создавала потрясающий контраст света и тени. Красота этого края была дикой, первозданной, и то, что она так властно привлекала меня, было вполне объяснимо. Здесь пахло свободой. И богатством.

Я натянул поводья, останавливая своего скакуна. Свита тотчас замерла за спиной. Я перекинул ногу через седло и слез с коня. Сделал это достаточно бодро и ловко — уж точно не хуже, чем это получилось бы у истинного хозяина этого молодого тела. Болезнь отступила. Да, мочеиспускание порой доставляло неприятные ощущения, но терпимо в целом.

Мои сапоги мягко утонули в густой, высокой траве, пахнувшей полынью и нагретым на солнце чабрецом. Я прошел пару шагов, опустился на одно колено прямо в эту зеленую пену. Достал из ножен на поясе охотничий кинжал и с силой вонзил широкое лезвие в дерн, подрезая пласт земли. Вывернув ком, я отложил нож, зачерпнул землю двумя руками

и поднес к лицу.

— Это же масло, а не земля... — с откровенным, почти религиозным восхищением прошептал я.

У меня в руках был настоящий эталонный чернозем. Тяжелый, жирный, влажный, черный как смоль. Он рассыпался в пальцах бархатными крупинками, оставляя на коже темный, маслянистый след. Эта земля дышала первобытной, нерастраченной силой. Сколько же тут минералов скопилось за тысячелетия? Ведь никогда, в обозримой истории, на этой земле не выращивали хлеб. Она ждет своего хозяина.

— Я пришел, — сообщил я одними губами земле. — Теперь все будет иначе. Готовься отдавать.

Я мял эту теплую почву, перетирал ее между подушечками пальцев, и в моей голове со скоростью щелкающих костяшек счетов складывались цифры, графики и геополитические стратегии. Золото? Серебро? Пушкина? Все это меркло перед тем, что я сейчас держал в горсти.

Я отчетливо понимал: если системно, с умом и государственным размахом отнестись к процессу освоения этих колоссальных пустующих просторов, если защитить их от набегов и засеять... одна только эта степь сможет кормить не только всю европейскую часть России. С этой земли мы сможем диктовать хлебные цены всей вечно голодающей Европе.

Я медленно разжал ладони, позволяя черному золоту сыпаться обратно к корням трав. Империя начиналась не с пу-

шек. Она начиналась вот с этого жирного комка земли. И теперь я точно знал, ради чего мы здесь проливаем кровь. И знал другое, что не позволю себе уйти от сюда. Будем драться за наше будущее, обязательно сытое.

— Ты только можешь себе представить, Афанасий, — глухо проговорил я, обращаясь к генералу и не страшивая с пальцев черную, маслянистую крошку. — Какой невысказанный урожай даст эта земля! Она же девственна. Еще ни разу не тронута тяжелым плугом, не вымучена поборами, она до краев полна первозданными соками. А сколько она будет приносить в казну, если подойти к делу с умом? Если удобрять ее по науке — золой, навозом, правильным севооборотом?..

Я говорил это с искренним, горячим восхищением. В моем голосе звучала страсть созидателя. А вот Матюшкин... Матюшкин меня откровенно не понимал. В его выцветших глазах читалась лишь вежливая, настороженная пустота.

Жаль, конечно. Но глупо было бы требовать невозможного — встретить в этом времени универсальных людей, которые не только блестяще владеют военным искусством, но еще и глубоко разбираются в макроэкономике и сельском хозяйстве, не так-то легко. Да и, по здравом размышлении, не нужно оно полководцу.

Самое главное, что я сам отчетливо вижу колоссальные перспективы того аграрного чуда, которое здесь можно заложить. А если копнуть глубже? Под этим черноземом лежат

несметные залежи угля и руды — фундамент будущей промышленной базы Донбасса, стальное сердце Империи. Если я понимаю это, да еще и сумею намертво вбить эту мысль в голову своего наследника, Россия станет абсолютным гегемоном. А значит получит больше возможностей для развития внутри себя. Если только этим озаботятся власти, конечно.

Я медленно вытер испачканные землей руки о белоснежный платок, бросил его в траву и поднял холодный взгляд на горизонт.

— Но прежде... прежде мы должны вырвать эту заразу с корнем. Разобраться с Крымом. Раз и навсегда, — жестко, словно отрубив, подвел я итог своим мыслям.

И вот этот кровожадный, лязгающий сталью посыл генерал Матюшкин уловил мгновенно. Его лицо тут же хищно подобралось.

Я развернулся к лошади и властно махнул рукой Петьке Скорняку, который сопровождал меня в качестве доверенного лица даже в этой, казалось бы, безопасной поездке. Юноша тут же дернулся ко мне, готовясь подставить плечо, чтобы подсадить государя в седло.

— Не суетись, Петр, не нужно мне помогать, — усмехнулся я, вдевая сапог в стремя и легко, одним слитным движением взмывая на спину жеребца. — Есть еще у меня порох в пороховницах!

Уже сидя в седле, я поймал себя на ироничной мысли: а

ведь Скорняк начинает выполнять при мне обязанности личного денщика ничуть не реже, чем функции доверенного пи-саря.

Ну да и ладно. Парень-то из него лепится действительно неплохой. Молодой, цепкий, с голодным до знаний умом и крайне перспективный. Да, он не такой самородок, как Ломоносов, и великим гением в фундаментальных науках Скорняк никогда не станет. Но вот задатки жесткого, деятельного и преданного руководителя высшего звена я в нем уже усмотрел.

Пусть крутится рядом. Пусть учится, впитывая, как губка, все мои указы, распоряжения, интонации. Да и все те революционные законы и трактаты, которые я, по сути, пишу его руками — он ведь каждый из них пропускает через себя. Сперва пишет под диктовку, потев от непривычных терминов, потом вдумчиво читает, а затем еще и набело переписывает. Так что материал в его голову внедряется намертво. Будет из него толк.

— Ваше Императорское Величество... — голос Матюшкина внезапно утратил паркетную почтительность, став сухим и рубленным. — Не соизволите ли отдать приказ возвращаться в Изюм? Немедленно.

Я мгновенно подобрался, отбрасывая прочь все мысли об агрономии и реформах. Мои чувства молчали. Я не видел и не чуял абсолютно никакой надвигающейся угрозы на этих безмятежных, залитых солнцем просторах. Но я был не ду-

рак, чтобы не доверять звериному чутью Матюшкина.

Этот генерал был не из тех штабных щеголей, что умеют лишь изящно расшаркиваться на паркетах петербургских дворцов — он успел вдоволь похлебать кровавой каши в настоящих войнах. Если его усы тараканьи топорщатся, значит, в воздухе запахло смертью.

И тут же, словно в подтверждение его слов, степной ветер донес тревожный, прерывистый свист.

Отряд казаков-разведчиков, который был веером рассыпан на несколько верст во все стороны специально для того, чтобы никакая шальная татарская ватага не обнаружила нас и не ударила исподтишка, подавал экстренный знак опасности. Над дальним холмом тревожно замелькала пика с красным прапорцем.

Позвоночник обдало холодком. Я сжал поводья, хотя страха по-прежнему не было — лишь ледяная, звенящая концентрация.

Я резко повернул голову и посмотрел на Корнея Чеботаря, начальника моей личной охраны. Тот, не дожидаясь приказа, уже выхватил из седельной сумки тяжелую медную зрительную трубу, приложил ее к глазу и, замерев изваянием, напряженно вглядывался в струящееся над степью марево, пытаясь рассмотреть причину казачьего беспокойства. Тишина в отряде стала осязаемой. Заскрипели вынимаемые из ножен клинки конвоя.

— Что там, Корней? — негромко, но так, что услышали

все, спросил я, чувствуя, как мир вокруг сжимается до размеров грядущей схватки.

— Вдали пыль клубится, Ваше Величество! Словно большая конница идет. Нам стоит уходить, — напряженно доложил Корней Чеботарь, опуская подзорную трубу.

Матюшкин, не дожидаясь моего приказа, тут же начал отдавать резкие распоряжения. Раздались отрывистые команды офицеров, зазвенела сбруя, и тяжелые драгуны начали спешно перестраиваться, беря меня в плотную защитную «коробочку».

А я замер в седле и прислушался к своим внутренним ощущениям. И с легкой досадой понял, что никакого волнения нет. То самое звериное чувство опасности, которое, наверное, могло бы окончательно вырвать меня из липкой меланхолии последних дней, молчало. Внутри было пусто и холодно.

Прошло еще минут десять, но я не отдавал приказа отступить. И дело было не только в интуиции. Бежать сейчас было элементарно неpolitично. Представьте картину: русский император в панике срывается с места, имея в охранении два отборных полка драгун и четыре полусотни казаков! А что, если врагов там окажется не больше сотни? Получится, что сам государь бежит от одного вида степной пыли?

Это уже политика чистой воды. Подобная новость распространится по степи со скоростью лесного пожара. А это — неминуемое укрепление духа наших врагов, насмешки евро-

пейских послов и крайне неудобные вопросы к мужеству самого императора в войсках. Цари от пыли не бегают.

И как мне потом диктовать свою волю калмыкам, башкирам? А потом и черкесам, ногаям? У них принимают во внимание только силу.

И тут, когда драгуны сомкнули ряды настолько плотно, что, появившись здесь хоть половина войска крымского хана, они бы об эту стальную стену обломали зубы, донесся крик дозорных:

— Отбой тревоги! Свой!

Я криво усмехнулся. Значит, чуйка все-таки работает, как швейцарские часы. А я уж было начал грешить на то, что в дворцовом комфорте перестал воспринимать опасность.

— Государь, это полковник Изюмского полка возвращается. От его коней пыль столбом стоит, — облегченно выдохнув, сообщил Корней.

А еще через полчаса я уже видел перед собой полковника Федора Владимировича Шидловского. Того самого своего нравного казака, которому, казалось, даже император был не указ — он слишком привык к степной вольнице и к тому, что на этих землях он практически полноправный хозяин.

Полковник осадил коня прямо передо мной. Он выглядел не просто уставшим, он был страшно потрепан. Камзол изодран, лицо черно от пороховой гари и пыли. Очевидно, что по пути сюда его отряд рубился насмерть. Я скользнул взглядом по его казакам: многие с трудом держались в седлах, кто-

то баюкал перевязанную окровавленной тряпкой руку, у других из-под повязок на бедрах сочилась свежая кровь.

— Успел повоевать, полковник? — негромко спросил я.

— Так и есть, Ваше Императорское Величество. Порубили три сотни татар, что неподалеку рыскали, разведку вели, — хрипло ответил Шидловский, тяжело дыша. — Но при-
был я из-под Бахмута.

Я внутренне подобрался.

— Говори. Что там? — жестко потребовал я.

— Война там, государь. Настоящая. Более сорока тысяч татар пришло. И с ними четыре тысячи турецких янычар с пушками. Генерал Вейсбах отбил штурмы, заперся в ретраншементах и передал тебе вот это...

Полковник дрогнувшей рукой вытащил из-за пазухи сложенный, испачканный кровью и грязью лист бумаги и протянул мне.

Я взял послание, развернул его и впился глазами в торопливые, прыгающие строки.

«Я понимаю, Ваше Императорское Величество, что я и мои люди — лишь приманка...» — прочитал я, беззвучно шевеля губами. — «Но прошу не сомневаться: я выполню свой долг до конца. Буду стоять насмерть и оттягивать на себя все силы степняков и турок, покуда хватит солдат и пороха...»

Я медленно опустил письмо на луку седла.

Чувствовать себя человеком, который расчетливо предает

на смерть своих самых верных подданных, оказалось физически тошно. В груди разлилась тяжелая горечь. Вот только эти человеческие эмоции императору нужно было заткнуть куда-нибудь поглубже. Спрятать под железную маску. В этой большой войне всё равно пришлось бы кем-то пожертвовать во имя великой победы. Вейсбах принял этот удар на себя, дав мне самое ценное — время и чистую дорогу.

Я аккуратно свернул письмо, спрятал его за отворот камзола и резко развернул коня к Матюшкину.

Генерал-аншеф мгновенно подобрался, выпрямив спину до хруста, являя собой идеальный образец кавалериста, готового выполнить любой приказ. В его глазах горел вопрос.

Я обвел тяжелым взглядом свою свиту, израненных казаков Шидловского и застывших в ожидании драгун.

— Хан увяз под Бахмутом. Крым остался без защиты, — мой голос прозвучал над степью холодно и безжалостно, словно удар колокола. — Мы идем на Перекоп! И да поможет нам Бог вытащить главную занозу с тела Отечества нашего.

Глава 4

Бахмут.

18 мая 1725 года..

Генерал от кавалерии Иоганн Бернхард фон Вейсбах демонстративно выпрямился во весь рост на бруствере, подставляя грудь под пули и стрелы. Вейсбах искренне верил, что только так, глядя в глаза смерти без тени страха, он еще может заставить этих измотанных, готовых рухнуть от бессилия солдат держать строй и сражаться. Да и в глубине души старый генерал уже смирился с тем, что здесь, в этой выжженной степи, ему и предстоит умереть.

А за бруствером разворачивался ад. Татары закрутили свою знаменитую степную «карусель». Конная лава выстроилась в гигантский ревущий круг. Проносясь на полном скаку мимо восстановленных русских укреплений, всадники обрушивали на окопы тучи стрел, застилая ими само солнце.

В ответ гремели организованные залпы. Русская пехота, почерневшая от пороха, с потрескавшимися губами и безумными глазами, работала. Стреляли по плутонгам: первая шеренга дает залп, вторая готовится, третья заряжает. Вейсбах знал: в такой методичной огневой дуэли его вымуштрованные солдаты всегда берут верх. Скоро татары не выдержат ливня из русских пуль и отойдут.

Но в этот раз всё пошло не так. Вопреки здравому смыслу.

Вместо того чтобы отхлынуть, конная лава вдруг с диким визгом плеснула в разные стороны, расступаясь, словно занавес. И тогда Вейсбах, а вместе с ним и замершие в окопах защитники Бахмута, увидели то, от чего кровь стыла в жилах. Прямо на их истерзанные, малочисленные шеренги, обнажив кривые сабли, в зловещем молчании надвигалась сплошная, бескрайняя стена спешившихся татарских рубак. Враг шел в рукопашную. И их было слишком много.

— Примкнуть штыки! Всем штыки примкнуть! — сорванными, хриплыми голосами закричали офицеры, мечась вдоль поредевших шеренг.

Над позициями прокатился сухой, зловещий лязг металла. Измотанные, шатающиеся от усталости и жажды солдаты с почерневшими лицами молча примыкали к стволам мушкетов длинные граненые штыки. Отступать было некуда.

— Ваше превосходительство, вам следовало бы немедленно покинуть это место, — прохрипел оказавшийся рядом Роман Лаврентьевич Шидловский.

Глаза молодого казака лихорадочно горели. Его сабля уже была обнажена, а за его спиной тяжело дышала сотня таких же отчаянных, измазанных в крови и саже рубак. Эти люди жаждали либо умереть здесь и сейчас, либо покрыть себя бессмертной славой, попутно набравшись богатых трофеев. И старый генерал, глядя на их дикие лица, не знал, что именно мотивирует этих казаков больше — ведь драться они умели, а татар издавна считали своими кровными, непримири-

мыми врагами. Обычно думали о трофеях. А как тут? Время думать только о том, чтобы в живых остаться.

А из-за пелены пыли уже надвигалась невиданная лавина. Тысячи спешившихся татарских воинов, оглашая степь леденящим душу, многоголосым воем, с кривыми саблями наперевес бежали в сторону русских окопов. Их лица, искаженные яростью, сливались в одну сплошную, смертоносную волну.

На правом фланге непрерывно грохали тяжелые пушечные выстрелы. Там уже образовался широкий, зияющий пролом в хлипкой деревянной стене Бахмута — крепости, за которой толком никто не следил со времен восстания Кондратия Булавина, и теперь старые, гнилые бревна разлетались в щепки под ядрами.

— Всем уйти с первой линии! Артиллерии — изготовиться! Картечь! — ледяным тоном, перекрывая гул надвигающейся смерти, отдал приказ генерал.

И сам подал пример. Вейсбах повернулся спиной к бегущему врагу и пошел в тыл. Гордо, с прямой спиной, не переходя на бег, но при этом делая широкие, быстрые шаги. Его спокойствие было гипнотическим. Никто из солдат не смел обогнать идущего шагом генерала, паники не случилось, но из-за этого возникла роковая заминка.

Когда первые, самые быстрые татары добежали до русских ретраншементов, они застали там отстающих защитников. Степные воины с хищным воем прыгали в окопы, спотыка-

лись о разбитые фашины и трупы, рубили острыми клинками спины не успевших отойти русских солдат, но упорно перли вперед, ослепленные запахом крови.

— Бах! Бах! Бах!

Русская артиллерия ударила в упор ровно в тот миг, когда Вейсбах, спрыгнув во вторую траншею, дал отмашку артиллеристам.

Свинцовый шторм превратил первую линию в кровавое месиво. Тяжелая картечь на таком расстоянии пробивала по три-четыре человека насквозь. Она в клочья рвала татар, сметая их целыми рядами, но... она же выкашивала и тех русских солдат, что не успели вовремя отбежать. Вейсбах смотрел на это, стиснув челюсти так, что заболели скулы. Жуткий, бесчеловечный размен, но без него пала бы вся линия обороны.

Татары, оглушенные чудовищным залпом, заколебались. Перед пушками мгновенно выросла стена из изувеченных тел. Уцелевшие стали затравленно оглядываться: идти с голыми саблями на плюющиеся огнем жерла никто не хотел. Все знали, что это верная смерть.

Но их гнали вперед. Сзади напирали новые тысячи. И уже через минуту смятение сменилось новой вспышкой фанатичной ярости. Им нужно было смести русских с этой ненавистой крепости любой ценой.

— Ба-бах! – новый выстрел пушек.

И снова смерти, опять горы трупов степных воинов. Но

они шли...

Быстрее! Вперед! Ведь немало крымско-татарских отрядов уже обошли укрепления Бахмута и устремились вглубь, в сторону беззащитных русских деревень и сел. Там сейчас начиналось самое главное веселье. Там можно было безнаказанно грабить, жечь, собирать и вязать в длинные колонны гяуров, чтобы вести ясырь на невольничьи рынки Кафы.

Но увести огромный полон мимо не взятого Бахмута, оставляя у себя в тылу живой русский гарнизон, было бы самоубийством. Так что эту крепость нужно было взять обязательно, если они вообще хотели вернуться в ханство с добычей.

Картечь не остановила татар. Она их только замедлила. Как степным мурзам удалось заставить своих воинов массово пойти в такую мясорубку пешими, прямо на пушки — для генерала Вейсбаха оставалось непостижимой загадкой.

Но он умел смотреть правде в глаза. Вейсбах видел: позицию удержать не получится. Порох был на исходе, стволы орудий раскалились докрасна, а люди еле стояли на ногах. Не в этот раз.

— Ваше превосходительство, отряд готов к прорыву, лошади оседланы, — тяжело дыша, доложил генералу подбежавший адъютант. Лицо офицера было серым от пыли и отчаяния. — Вы должны сохранить свою жизнь. Вы выполнили приказ.

Фон Вейсбах только коротко кивнул. У него был четкий

приказ императора: в глухую осаду не садиться, по возможности — отойти на соединение с главными силами. Но при этом он должен был стянуть на себя как можно больше сил врага, выдержать первые, самые страшные удары. Заставить орду умыться кровью. И он это сделал. Восемь штурмов. Горы трупов перед траншеями. Теперь Бахмут можно было оставить.

— Передайте мой приказ парламентарам: пускай протрубят в рог, вывешат стяги. Мы готовы на переговоры. Но... пали! — кричал генерал.

Слаженный выстрел первой линии пехоты разрядил ружья, потом вторая. После в ход пошли и гранаты. И... звон стали.

Да, представители татарского войска уже подходили утром. Они запрашивали капитуляцию крепости, понимая, что штурм обходится им слишком дорого. Ханские посланники даже клялись, что дадут русским выйти со своими знаменами и оружием и отправиться туда, куда те пожелают, лишь бы только они добровольно оставили этот проклятый Бахмут.

И генерал, возможно, был бы даже готов рассмотреть эти условия. Если бы только хоть на секунду верил в честь тех, кто давал эти клятвы. Вейсбах знал: как только его измотанные солдаты выйдут в чистое поле, их просто вырежут, а офицеров продадут в рабство. Так что уходить нужно с силами, на которые измученные татары не рискнут напасть. Так

что...

— Ба-бах! — выстрелили мортирки, засылая гранаты в гущу врага.

Нет, переговоры были лишь ширмой. Ему нужны были эти полчаса тишины, чтобы сформировать ударный клин и прорубить себе путь сквозь вражеское кольцо.

Однако Вейсбах, как опытный вояка, прекрасно понимал непреложный закон войны: чтобы начать переговоры, нельзя просить о них с приставленным к горлу ятаганом. Врага нужно было заставить остановиться. Отбросить его назад, заставив захлебнуться собственной кровью. И ради этих спасительных минут тишины генерал бросил в пылающую топку свой последний резерв.

— Резерв! Вводите резерв! — кричал Вейсбах.

Пять сотен бойцов сводного усиленного батальона. До этого момента они томились в резерве, сквозь пороховой дым наблюдая за тем, как на валах гибнут их товарищи. Они стояли, до скрипа скрежеща зубами, до побеления костяшек сжимая кулаки и древки пик, но без приказа не смели сдвинуться с места. И вот теперь, когда прозвучала команда, эти пятьсот глоток издали единый, первобытный рык и рванулись вперед, в самое пекло.

Генерал Вейсбах был европейцем, но за годы службы он успел изрядно набраться опыта и начал разбираться в суровых реалиях Малороссии и Слобожанщины. Он на собственной шкуре выучил, чего в бою стоят степные казаки, и глав-

ное — понял, где и как их дикая, необузданная ярость работает лучше всего.

То, что сейчас происходило у второй линии обороны, было не просто контратакой. Отдельные группы сводного батальона по сути сдавали кровавый экзамен на профпригодность — и за себя, и за генерала, решившегося на столь нестандартный тактический прием.

Врага встретило не классическое монолитное каре или вытянутая пехотная линия, к которой привыкли европейские армии. Вейсбах бросил в бой рой мелких, спаянных тактических групп. Солдаты работали «десятками».

Это была жуткая, методичная пляска смерти. Трое стрелков с тяжелыми пистолетами или короткими мушкетонами выходили вперед, в упор разряжали стволы, заряженные дробью, в лица набегающих татар, пробивая в их толпе страшные бреши, и тут же ныряли за спины своих.

На их место мгновенно вставляли пятеро пехотинцев с тяжелыми ружьями и примкнутыми гранеными штыками. Они не стреляли — они использовали свои фузеи как копья, создавая непреодолимую железную щетину. Этот штыковой забор рвал дистанцию, не давая татарам пустить в ход короткие кривые сабли, и обеспечивал стрелкам позади те самые драгоценные секунды на перезарядку.

А в узкие щели между штыками, словно демоны из преисподней, выскакивали двое казаков. Вооруженные длинными пиками и тяжелыми саблями, они наносили молниенос-

ные, смертельные удары по увязшему в штыках врагу и тут же отскакивали назад.

Такие автономные боевые «ежи» демонстрировали подавляющее преимущество даже в плотной свалке против многократно превосходящего числа врагов.

Началась страшная, монотонная работа по перемалыванию человеческого мяса. Те из татар, кому удавалось чудом прорваться сквозь картечь ко второй линии обороны, прямо под бревенчатые остатки стен Бахмута, тут же разбивались о русскую тактику. Не то чтобы эти «десятки» были абсолютно неуязвимы, но к ним нужно было приноровиться, найти слабое место. А как это сделать в удушающей тесноте, когда в лицо тебе летит свинец, в живот целит штык, а сверху обрушивается казачья сабля? Татары накатывались на эти ошестинившиеся кучки — и обламывали зубы.

Но несмотря на тактическое превосходство, русские силы таяли. Забирая за одну свою жизнь жизни троих, а то и пятерых степняков, солдаты всё равно получали раны. Скользящий удар саблей по бедру, пробитое копьем плечо... В этой сдавленной со всех сторон мясорубке упасть или даже просто оступиться означало верную смерть — затопчут свои же. Выбраться из этого водоворота раненым было физически невозможно.

И всё это время над пороховым чадом, на длинном шесте безвольно висел условленный белый флаг. Он должен был демонстрировать крымскому хану, что русские готовы к пе-

реговорам. Но никто не смотрел наверх. Сколько еще крови должно было впитаться в эту иссушенную землю, чтобы ослепленный яростью враг решился остановить бойню?

Земля Бахмута скрылась из виду. Русские пехотинцы, казаки и крымские татары (турки, как обычно, предпочитали не лезть в грязную рубку, с комфортом наблюдая за резней в подзорные трубы с безопасных холмов) в буквальном смысле скользили по щиколотку в липкой, черной крови. Бойцы спотыкались о скользкие, вывалившиеся из разрубленных животов внутренности.

Горы изувеченных тел устилали подступы к крепости, и именно эта чудовищная стена мертвецов становилась главной причиной, почему татарская атака окончательно захлебывалась. Остервенелые степные воины уже не могли добраться до русских штыков. Они вязли в трупах, спотыкались о тела своих же соплеменников, лежащих друг на друге в три-четыре слоя, падали на них, и тут же получали пулю или удар штыком сверху. Штурм тонул в собственной крови.

Именно эта чудовищная баррикада из человеческого мяса, намертво сковавшая атаку противника, позволила русским солдатам сделать еще один, спасительный залп. Потом еще один... И еще.

А затем татары, издав глухой, отчаянный вой, отхлынули. Как кровавая волна, разбившаяся о гранитный утес, они покатались назад, оставляя на склонах тысячи своих убитых и умирающих.

Над полем боя повисла тяжелая, звенящая в ушах тишина, прерываемая лишь стонами раненых. Генерал Вейсбах тяжело оперся о парапет и посмотрел на то, что еще утром представляло собой систему оборонительных сооружений Бахмута. Эту хлипкую крепостцу строил не военный инженер. Ее спешно возводил оказавшийся здесь рудознатец, геолог и изыскатель Краснов. Человек сугубо штатский, но, как оказалось, грамотный во многом: когда пришли первые донесения о движении степной орды, именно он расставил фашины и велел копать глубокие рвы.

Но теперь все эти рвы, все ретраншементы и волчьи ямы до краев были устланы телами. Вейсбах, старый служака, прошедший не одну кампанию на своем веку и славно рубившийся под самой Полтавой, вдруг поймал себя на леденящей мысли: такого первобытного ужаса и такого ожесточенного, самоубийственного сопротивления он еще не видел. Полтава была триумфом линейной тактики. Здесь же была чистая, незамутненная бойня.

Ветра не было. Раскаленный воздух стоял неподвижно, и генерал вдруг начал принюхиваться. Запах пороховой гари, железа, вспоротых кишок и человеческих испражнений был ему отлично знаком. Любое поле боя пахло именно так. Но сейчас к этой тошнотворной смеси примешивалось нечто иное. Что-то тонкое, гнилостное, от чего по спине пробежал могильный холодок.

— Так пахнет сама Смерть, — прошептал он по-немец-

ки, уловив в воздухе это зловещее, метафизическое присутствие, которого никогда раньше не ощущал даже после самых жестоких баталлий.

Генерал с силой мотнул головой, прогоняя дурной морок. Расслабляться не было причин. Враг лишь отступил, чтобы перевести дух. Нужно было завершать начатое.

— Потери, господин Шидловский! — Вейсбах обернулся. В этот раз он не приказал, а скорее глухо попросил есаула сообщить дурные вести.

— Больше полутора тысяч полегло, ваше превосходительство. У нас на ногах осталось всего шестисот человек, — замогильным, сорванным голосом ответил Шидловский. Лицо молодого казака напоминало серую маску из пепла и засохшей крови.

Генерал опустил глаза. Ему вдруг стало нестерпимо стыдно. Стыдно за то, что из этих уцелевших шестисот бойцов ровно сотня — это его личная охрана. Тяжелые кирасиры, закованные в броню, которые так ни разу и не вступили в бой. Всю эту дьявольскую пляску они протомились в седлах за укрытиями. Да, оправдание было железным: тяжелой кавалерии в узких окопах просто негде было развернуться, там они стали бы легкой мишенью для татарских стрел, а не хищниками. И всё же это жгло офицерскую совесть.

— Пушки заклепать и сломать лафеты! Порох разобрать всем — брать столько, сколько смогут унести в седельных сумках. Свинец — туда же! Еды взять на два дня пути, в

крайнем случае на три, но лучше выкиньте сухари и забейте сумки порохом! И все заминировать. Пусть кто-то... добровольно... но останется и зажжет веревку, взрывая все и всех, — отдавая этот приказ, генерал Вейсбах внутренне ломался.

Он еще никогда в жизни не отступал. Он никогда не сдавал доверенных ему городов и фортеций. Да, Бахмут было смешно называть настоящей крепостью — так, наскоро сколоченный укрепрайон без высоких каменных стен, бастионов и нормальных батардо. Но для генерала это всё равно означало одно: сдача позиций.

Уже очень скоро все те, кто мог держаться в седле, были верхом. Тяжелораненых, кого еще был шанс довести живыми, плотно уложили в скрипучие телеги, запрягая в каждую сразу по два коня.

И вся эта израненная, оборванная, но не сломленная кавалькада, не дожидаясь начала официальных переговоров, с грохотом вылетела из разбитых ворот Бахмута, устремляясь на север, к Изюму. Пять татарских парламентеров, с белыми бунчуками неспешно ехавших к крепости от ставки хана, в шоке остановили коней. Они провожали взглядами прорывающуюся русскую колонну, то и дело растерянно оборачиваясь в сторону своего лагеря.

А в лагере крымский хан Менгли II Гирей, увидев в подзорную трубу уходящих русских, побагровел от ярости. Он вскочил, собираясь отдать приказ бросить всю легкую конницу в погоню, догнать, вырезать до последнего человека за

то унижение, что они здесь испытали!

— Прошу тебя, брат, не надо... — раздался сзади хриплый голос.

Раненый в плечо, с наспех наложенными на переломанную ногу лубками, на носилках полулежал калга Селямет — второе лицо в государстве, главнокомандующий татарским войском. Он посмотрел на хана снизу-вверх не просто серьезно, но с мрачным вызовом.

— Если мы сейчас ударим им в спину, они ошестинятся штыками и заберут с собой в ад еще тысячи две наших ну-керов. Тебе мало того, что пятнадцать тысяч славных воинов уже гниют под этими проклятыми бревнами и никогда не вернутся домой в Крым?!

Хан скрипнул зубами, но промолчал. Рука, сжимавшая рукоять сабли, бессильно опустилась. Орда была обескровлена.

Крымские татары опасливо, полные суеверий, входили в крепость. Медленно, не организованно.

Иван Кротов лежал. У него было множество ран, турецкая пушка еще два дня назад выпустила ядро, которое вырвало правую ногу до колена. Но он жил... одной жадной мести и жил.

И вот они — враги... рядом горела лампада. Иван протянул трут, к которому были привязаны другие, ведущие ко многим, оставленным в разных концах крепости бочкам с порохом.

— Ба-ба-бах! — прогремела череда взрывов, окончательно обрушивая все, что еще оставалось в Бахмуте, подгребая под собой многих степных врагов России.

И... самого Ивана Кротова.

А в нескольких верстах от пылающего Бахмута генерал Вейсбах натянул поводья, останавливая своего коня. Он обернулся, достал тяжелую зрительную трубу и всмотрелся в дрожащее марево горизонта, туда, где должна была находиться ставка крымского хана. Погони не было. И старый солдат нутром, кожей почувствовал то, что сейчас происходило во вражеском стане. Татары дрогнули. Их хребет надломился.

Вейсбах вдруг отчетливо понял: если бы прямо сейчас к защитникам Бахмута подошло хотя бы пять тысяч свежих русских солдат с артиллерией или полки слободских казаков — они бы в чистом поле смели, раздавили и втоптали в грязь всю эту кичливую орду. Орду, которая по старинке пришла на русские земли, наивно полагая, что может безнаказанно грабить, жечь и уводить полон, как сто лет назад.

Но те времена безвозвратно канули в Лету. Россия вгрызалась в эту землю штыками, и вырвать ее отсюда степнякам было уже не по зубам.

— Мы просто немного не доработали... — тихо констатировал факт генерал, складывая зрительную трубу. — Все, кроме того храбреца, Ивана.

Он развернул коня, тронул его шпорами и галопом устре-

мился на север, во главу отходящей колонны. Впереди был Изюм, и война для него еще не закончилась.

Глава 5

Перекоп.

27 мая 1725 года.

В тусклом, дрожащем свете походных фонарей генерал-лейтенант Матюшкин тяжелым, воспаленным от бессонницы взглядом изучал разложенные на столе карты Перекопа. Он скрупулезно, линию за линией, сверял схемы, добытые агентурой в Крыму еще по весне, с теми кроками, что бросили ему на стол измазанные в степной грязи разведчики буквально пару часов назад.

Всё совпадало. До последнего оврага и изгиба вала.

Это означало, что утвержденный ранее план штурма корректировке не подлежит. Войска пойдут туда, куда намечено. И всё же в глубине души старого служаки ледяной змеей ворочалось сомнение: одно дело рисовать стрелы на бумаге, и совсем другое — гнать живых людей на древние, пропитанные кровью укрепления.

— Не извольте сомневаться, господин генерал-лейтенант, всё сладится, — раздался из полумрака шатра густой, спокойный бас Лаврентия Шидловского.

Матюшкин поднял глаза на казачьего полковника. Они знали друг друга давно. Еще в те времена, когда Матюшкин, будучи генерал-майором, направлялся на Каспийский театр военных действий, он заезжал в Изюм по личному поруче-

нию Государя — брать слободских казаков.

Тогда их встреча обернулась шумным, диким разгулом: с жаркой баней, до одури пьяным застольем, откровенным блудом и реками горячительных наливок. Но сейчас всё было иначе. Лицо Шидловского, изрезанное морщинами и шрамами, оставалось по-военному суровым, превратившись в маску хладнокровного хищника. В отличие от многих паркетных офицеров, работать с Шидловским Матюшкину было на редкость комфортно — казак понимал войну нутром.

Был своенравным, не без этого. Но вот было у Федора Шидловского, как и у многих казаков: с кем пил и при ком грешил — тот, почитай, что и родич. А кто еще и в фаворе у государя... Так что проблем с подчинением не было.

— Ты должен сделать многое... Если выйдешь в тыл, то мы победили, — сказал Матюшкин.

— Зайду!

— Ну, тогда с Богом. Начинаем, — на тяжелом выдохе, словно принимая на плечи невидимый крест, произнес Матюшкин.

Полковник Мориц Саксонский ехал в седле, держа спину неестественно прямо. За ним, мерным, вбивающим пыль в землю шагом, надвигалась на Перекоп пехота. Не только его Новгородский полк, но и приданные для удара Ладожский и Псковский полки. Линия атакующих была не идеальной — степной рельеф ломал строй, — но дисциплина держала

шеренги в грозном напряжении.

Атака разворачивалась на самом западном участке восьмикилометровой линии обороны. Именно здесь, как железобетонно подтвердила ночная разведка, находилась «ахиллессова пята» Перекопа.

Справедливости ради стоило признать, что вся оборонительная линия татар сейчас представляла собой зрелище если не жалкое, то близкое к тому. Она напоминала тяжело больного, изможденного старика, которому давно не давали ни еды, ни лекарств.

Но если бы гарнизон был большим... Перекоп мог бы ожить и огрызнуться тысячами стволов, если бы крымский хан, веками привыкший лишь к набеговой, наступательной тактике, хоть немного заботился о стратегии глухой обороны. Ну и немногочисленным туркам, как и командующему Перекопом, турке, Мехмед Паше, не было особого дела до обновления и укрепления крепости. Важно было только освоить бюджеты, причем требовать и с Константинополя и с хана.

Татары, конечно, пытались огрызаться еще на подступах к Перекопу. По мере приближения русских колонн они пытались применить тактику выжженной земли: поджечь степь и засыпать падалью те немногочисленные колодцы, что встречались на пути. Но план провалился.

Государь словно в воду глядел, отдавая жесткий приказ: пустить вперед летучие отряды из регулярной кавалерии,

усиленные злыми, быстрыми казаками. Они клиньями врезались в степь, с ходу захватывая пригодные оазисы и источники, отбрасывая прочь мелкие — в лучшем случае по полсотни сабель — крымские разъезды. Да и поджечь сочную майскую траву, густо налитанную недавними проливными дождями, оказалось физически невозможно.

Из всего ста тысяч воинов, которые могло бы выставить Крымское ханство, а это абсолютно со всеми, кто умеет держать оружие в руках, почти половина ушла в набег. Еще некоторая часть была в степи на “охоте”. Остальные дома, или несли службу в ханских городах. Тотальной мобилизации не случилось. Хотя по нынешним временам много воинов поднялось.

Однако, на Перекоп сил не хватало. Только здесь должно стоять не менее тридцати тысяч воинов. Так что и не хватало тех, кто смог бы осуществить тактику выжженной степи, ну или как ее еще называли — “скифскую”.

Благодаря этому русские кони подошли к позициям врага относительно сытыми, а люди — бодрыми. Санитарных потерь от желудочных хворей, вечного бича степных походов, почти не было. Интенданты не поскупились на укус: солдаты пили воду только смешанной с ним, либо щедро плескали во фляги крепкое хлебное вино. Жесткая дисциплина кипячения и обеззараживания позволила армии пересечь огромное степное пространство и выйти к валам Перекопа единым, полнокровным кулаком. А еще сперва всю воду иссле-

довали, а уже после употребляли. И бочки с водой обязательно шли в полках, а вода сохранялась по морским принципам.

Мориц Саксонский привстал на стременах. Впереди сквозь утреннюю дымку уже чернели земляные укрепления врага. Дистанция сократилась до критической. Можно ускоряться и открывать огонь. Триста пятьдесят шагов? Немыслимо, чтобы с такого расстояния рассчитывать поражать врага. Но не в этот раз.

— Начать! — громко, с резким акцентом, но безукоризненно по-русски рявкнул полковник.

Команда покатила по рядам. И те, кому предназначался этот первый, самый важный приказ, вышли вперед. На изготовку ушла ровно минута.

А затем тишину разорвало.

— Бах! Бах-бах-бах! — сухо, зло и раскатисто ударил залп.

Это заговорили не обычные гладкоствольные фузеи. Это работали винтовки. Сто отборных стрелков в полку Морица Саксонского вскинули к плечам нарезное оружие, заряженное новой, секретной императорской пулей — тяжелой, конусной, с расширяющейся свинцовой юбкой, которая вгрызалась в нарезы ствола, обеспечивая невиданную дальность и точность. Еще полсотни таких винтовок Мориц скрепя сердце передал Шидловскому, когда тайну нового оружия пришлось раскрыть атаману ради общего дела.

Двести шагов до вала. Для старых ружей — смех, а не

дистанция, можно прогуливаться, почти не боясь быть убитым. Для новых винтовок — смертный приговор защитникам. Залп ушел в цель, и от того, удастся ли прорвать Перекоп этим свинцовым дождем, сейчас зависела судьба всей крымской кампании.

И не прорваться русские полки просто не имели права. Назад пути не было. Их побратимы, сложившие головы под Бахмутом, уже заплатили самую страшную, кровавую цену за то, чтобы эта армия смогла подойти вплотную и ударить в самое сердце извечного врага. Того самого врага, что веками терзал окраины, кто загубил в невольничьем рабстве сотни тысяч православных душ и досуха обескровил целые области великой державы. В каждом примкнутом штыке сейчас стыла вековая жажда справедливой мести.

В предрассветный час густая мгла еще скрывала порядки наступающих, но татарские защитники Перекопа сами оказали русским услугу. Желая согреться и разогнать тьму, они разожгли на гребне земляных валов десятки костров. На фоне этого пламени их силуэты вырисовывались идеальными мишенями. Ориентируясь на эти огни, стрелки с нарезными винтовками начали хладнокровно выбивать противника с немыслимой для гладкоствольных ружей дистанции — в триста пятьдесят шагов.

Тяжелой артиллерии на этом участке не было — турки стянули все немногочисленные пушки к двум центральным крепостям. Да и регулярной турецкой пехоты здесь почти не

стояло. Оборону держали спешенные татарские воины. Оказавшись без коней, в глухой позиционной обороне, степняки чувствовали себя словно без рук. Понимания правильного пехотного боя у них не существовало вовсе.

Когда первые пули начали со смачным чавканьем рвать плоть, на гребень вала массово выскочили любопытствующие — татарские десятники и их турецкие надсмотрщики, пытавшиеся в темноте разглядеть, какая неведомая сила бьет их с такого расстояния. Их силуэты на фоне костров тут же ловили в прицелы русские стрелки. Один за другим защитники с пробитыми головами и грудными клетками валились в ров. Очень скоро желающих высовываться из-за укрытий не осталось.

— Прекратить огонь! — резко скомандовал по-французски Мориц Саксонский. Переводчик тут же гаркнул приказ на русском, и стрелки из винтовок замерли.

Расходовать драгоценный боеприпас по спрятавшемуся врагу не было смысла. Главное они сделали — подавили волю. Татары попытались огрызаться, пуская тучи стрел, но так как в темноте они не видели, где именно находятся русские линии, стрелы шли навесом, вслепую. Они падали абы куда, лишь изредка, с глухим стуком вонзаясь в землю или щиты, не причиняя серьезного вреда мерно шагающей ко рву пехоте.

— Ну что, хлопцы... Пошли, — негромко, но так, что

услышал каждый, произнес Федор Владимирович Шидловский.

Полторы тысячи казаков — в основном слободских и донских, разбавленных лихими запорожцами, почуявшими запах знатной добычи, — ждали этого приказа. Шидловский с мрачным удовлетворением наблюдал, как во мраке его воины споро, без единого лишнего звука вяжут принесенные на горбу бревна.

Они находились на восточной окраине, у берегов гнилого озера Сиваш. Отсюда Перекоп прикрывали лишь две небольшие крымско-татарские заставы. Вернее, прикрывали еще час назад. Всех наблюдателей уже бесшумно вырезали пластуны — особо ловкие и жестокие казаки-разведчики.

Они подобрались к заставам в тот самый предрассветный час, когда сон особенно сладок и тягуч. И пусть сделать всё идеально тихо не вышло, и пара предсмертных воплей всё же разнеслась над гладкой, маслянистой поверхностью озера — на помощь к мертвецам уже никто не придет. Немногочисленная свора защитников Перекопа сейчас намертво прикована к западному флангу, где Мориц Саксонский имитирует лобовой штурм.

Конечно, эту крепость можно было взять и в лоб. Тридцать тысяч русских штыков против шести тысяч татар и горстки турок — с таким чудовищным перевесом можно было просто смести укрепления солдатской массой по всей линии вала. И турки наверняка думали именно так, в панике

гоняя свои резервы вдоль стен, чтобы купировать назревающий лобовой прорыв. Но русский штаб решил сберечь кровь солдат, ударив в мягкое подбрюшье.

Плоты были связаны почти моментально. Те, кому не хватило места на бревнах, действовали проще: раздевались донага, увязывали одежду, порох и оружие на небольшие связки камыша и, ёжась от обжигающего холода, спускались в соленую воду Сиваша. Без всплесков, работая руками под водой, полторы тысячи теней вплавь и на плотях неумолимо приближались к противоположному берегу, чтобы ударить врагу прямо в спину.

Двигались тяжело. Не быстро. Густая, пахнущая сероводородом и гнилью жижа Сиваша цеплялась за ноги, засасывала днища наспех сколоченных плотов. Воины старались работать как можно интенсивнее, до ломоты в плечах орудуя веслами и отталкиваясь длинными шестами от вязкого, неглубокого дна. Осторожность боролась со спешкой: вдалеке, над линией укреплений Перекопа, уже вспухали красные сполохи. Раздались первые сухие трески винтовочных выстрелов, за которыми последовал гулкий грохот разрывов.

Русская армия пошла на решительный штурм.

Мориц Саксонский, он же Борис Августович, как его звали на русский манер, галопом скакал на разгоряченном коне вдоль линии рва. В ушах еще звенели жесткие наставления тестя — самого Императора: не лезть на передовую, не под-

ставлять лоб под пули. Его главным оружием должны были стать холодный рассудок и своевременные приказы. Но бешеная кровь брала свое, молодой адреналин требовал выхода.

Мориц находил для себя удобное тактическое оправдание: видя своего командира в самом пекле, под обстрелом, солдаты, штурмующие этот наименее укрепленный, но всё же смертоносный участок, вдохновятся на настоящий подвиг.

— Вжих! — коротко и зло просвистел рассекаемый воздух.

Тяжелая татарская стрела с железным наконечником с влажным хрустом вонзилась в бедро Морица. Командира дернуло в седле. Болевой шок еще не наступил, но нога мгновенно онемела.

Охрана сработала с поразительной скоростью. Один из телохранителей, здоровенный гренадер, с силой ухватил коня за уздцы, осаживая животное на дыбы, чтобы конь не испугался запаха крови и не понес. Двое других буквально выдернули раненого полковника из седла, стараясь перехватить его как можно бережнее, чтобы не обломить древко стрелы в ране.

— Пустите! Со мной всё хорошо! Оставьте меня! — хрипел Мориц, вслепую отмахиваясь от солдат и пытаясь вырваться из их жесткого захвата.

— Приказ Государя — сберечь вашу жизнь любой ценой,

ваше высокопревосходительство! — тяжело дыша, огрызнулся командир охраны Степан, прижимая полковника к земле за спасительным бруствером.

Степан был бледен. Он уже предвкушал трибунал или кнут за свой промах — не углядел, не выстроил лошадей так, чтобы полностью закрыть телами импульсивного командира от навесного обстрела.

А штурм тем временем набирал страшные обороты.

Элитные стрелки с нарезными винтовками рассыпались по флангам. Прячась за редкими валунами, земляными кочками и чахлым степным кустарником, они методично, без суеты выцеливали каждого, кто пытался высунуться с татарской стороны. Их огонь был убийственно точен.

Под этим прикрытием к краю рва устремились рабочие команды. Солдаты, надрываясь от тяжести, десятками скидывали вниз фашины — плотно увязанные связки хвороста, — а следом летели тяжелые мешки с песком и землей. Природа сама подыграла русским: на этом участке ров не был особенно глубоким из-за недавних весенних оползней, обрушивших часть грунта. Переправа росла на глазах.

И в этот момент в дело вступило оружие, которое еще в битве под Полтавой доказало свою чудовищную эффективность. Гренадеры вышли на огневой рубеж. Они с силой втыкали тяжелые сошки ручных мортирок в землю, задавали угол возвышения и пускали в ход фитили.

Небольшие, но начиненные злым порохом чугунные гра-

наты по высокой дуге перелетали через гребень вала и падали прямо на головы защитникам. Загрохотали разрывы. Земля дрогнула. Татары, по привычке сбивавшиеся в плотные группы для рукопашной рубки на валу, оказались идеальной мишенью. Осколки косили их десятками, превращая оборонительные порядки в кровавое месиво.

Среди степняков начала расползаться паника. Если бы не подоспевшие в этот момент две сотни регулярных турецких пехотинцев, которые ударами прикладов и янычарских тесаков принялись гнать татар обратно на позиции, оборона рухнула бы прямо сейчас. Ужас перед русским артиллерийским катком был непреодолим.

Подобная картина, пусть и с меньшим напором, разворачивалась по всей восьмикилометровой линии Перекопа. Лже-атаки и демонстративные штурмы распыляли силы турецкого командования. Враг метался, не в силах понять, где готовится главный прорыв, и не решаясь снять резервы ни с одного из участков.

— Вперед! За мной! — хрипло кричал бледный, потный от боли Борис Августович.

Охрана, подавшись его ярости, подняла носилки на плечи. Командующий возвышался над полем боя, обозревая хаос сражения и подгоняя своих людей.

Но этот порыв был уже не обязателен. Русская военная машина набрала инерцию. Офицеры и рядовые, одуревшие от запаха пороха и крови, сами видели, что ров заполнен.

Пора было заканчивать дело.

Слитным, страшным в своей неотвратимости потоком, ошетилившись тысячами штыков, русские полки хлынули через засыпанный ров и начали карабкаться на крутой, осыпающийся склон вражеского вала.

ВНИМАНИЕ!

Друзья! Наша книга сегодня (19.05) выходит. Зайдите, пожалуйста, поддержите. Спасибо!

<https://author.today/reader/593798/5675165>

Я очнулся в мае 1942-го. Теперь это моя война. И я сделаю всё, чтобы спасти тех, кого не спасли. А может и больше.

<https://author.today/reader/593798/5675165>

Глава 6

Перекоп

27 мая 1725 года

Высадка у озера давалась большой кровью. Первые казаки, сумевшие пересечь гнилое озеро вплавь, держась за гривы своих храпящих от ужаса и холода коней, на которых было много соли, едва нащупывали ногами илистое дно, как тут же получали в грудь стрелу или тяжелую свинцовую пулю. Берег встретил их огнем.

Вода вокруг передовых бойцов мгновенно вскипала багровыми бурунами. На какой-то страшный миг показалось, что высадка захлебнется, что татары прямо сейчас, как в тире, хладнокровно перестреляют весь озерный десант, не позволив русским зайти в тыл оборонительной линии Перекопа.

Но из утренней серой дымки уже выплывали неуклюжие, тяжело груженные плоты. На них закрепилась немногочисленная, но смертоносная элита — штуцерники. Точнее прямо сейчас эти воины, с каждым метким выстрелом, обрели элитарностью. Возможно завоевывали своим мастерством возможность стать гвардией.

Этих бойцов отбирались тщательно, не было ни одного, кто не отличался бы отличным глазомером, солдатской выучкой и дисциплиной. Ну и меткостью, конечно.

И штуцерники не заставили себя ждать. Еще издали, с покачивающихся на воде бревен, они начали методично, выстрел за выстрелом, отрабатывать по скапливающемуся на берегу врагу.

Артиллерии у татар здесь не было. Четыре неповоротливые турецкие пушки сейчас натужно, увязая колесами в солончаке, тащили в сторону озера на конной тяге, но они катастрофически не успевали к началу бойни.

И тут сквозь камыши прорвался главный, самый большой плот. На его носу, расставив ноги и демонстрируя поистине дьявольскую смелость, стоял во весь рост Федор Владимирович Шидловский. Он не прятался не боялся ни черта, ни Бога, ни роя вражеских стрел. Его фигура, возвышающаяся над водой, стала магнитом для взглядов — и своих, и чужих.

Повинуясь взмаху шидловской сабли, с плота ударил слитный, гулкий залп. Штуцерники продолжали свою смертоносную жатву, выбивая десятников и командиров врагов. Немногочисленные татарские стрелки, вооруженные устаревшими гладкоствольными фитильными ружьями, просто не успевали перезаряжаться, чтобы вести плотный заградительный огонь. Видя, как один за другим с пробитыми головами валятся в грязь их соратники, степняки дрогнули. Сначала подались назад задние ряды, а затем с десятков воинов и вовсе бросили оружие и побежали прочь, прочь от этого проклятого берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.